

Т. А. Гололобова, Б. В. Емельянов
КОНЦЕПЦИИ ХРИСТИАНСКОГО ВОСПИТАНИЯ
В ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Исследователи русской общественной мысли мало обращают внимания на несомненную связь русской философии и педагогики, тогда как сами философы и педагоги ее постоянно подчеркивали. Так, К. Д. Ушинский прямо писал: “Определенные цели воспитания мы считаем лучшим пробным камнем всяких философских, психологических и педагогических теорий” (1, с. 236). А спустя полвека русский философ и педагог С. И. Гессен назвал педагогику “прикладной философией”, определяя ее задачу следующим образом: “Показать, что даже самые частные и конкретные вопросы педагогики возводятся в последних своих основах к чисто философским предметам и что борьба различных педагогических течений между собой есть только отражение более глубоких философских противоположностей” (2, с. 8).

Русская педагогика, несомненно, является одной из форм существования русской философии и поэтому имеет все достоинства ее национальных особенностей, важнейшие из которых — антропологическая и социальная ориентированность. Как и русская философия, она постоянно оказывалась полем идейно-теоретической борьбы, противостояния материалистических и религиозно-идеалистических течений.

До недавнего времени только материалистическая и, как говорилось, “прогрессивная” русская педагогика была объектом научного интереса. Современная духовная ситуация в России потребовала иные педагогические идеи. Появление первых историко-педагогических работ, темой которых является русская христианская педагогика, убеждает в необходимости и эвристической значимости этого направления русской педагогической мысли.

Наша статья посвящена обзору различных концепций христианского воспитания, представленных в педагогических воззрениях русских мыслителей XIX — XX вв.

Первое серьезное противостояние материалистической и христиански ориентированной философско-педагогической мысли в России относится к 60 — 70 гг. XIX в., когда профессор кафедры философии Московского университета П. Д. Юркевич после известной полемики с антропологическим принципом в философии Н. Г. Чернышевского перестал заниматься собственно философскими изысканиями, заявив: “...если общество не способно слушать и воспринимать философскую проповедь идеализма, то остается заняться воспитанием этой способности в грядущих по-

колениях” (3, с. 837— 838). Его перу принадлежат два фундаментальных педагогических сочинения: “Чтения о воспитании” (М., 1865) и “Курс общей педагогики с приложениями” (М., 1869), а также несколько статей и рецензий на педагогические темы. В них он, опираясь на начала психологии, физиологии и логики, строит систему христианской педагогики, особое внимание уделяя проблемам воспитания.

Будучи уверен, что “разум есть единственная почва, на которой может развиваться человеческая жизнь с ее счастьем и совершенством, без которых и самое существование этой жизни не было бы желательным” (4, с. 1), П. Д. Юркевич вместе с тем инструментом христианского воспитания детей в духе любви к ближнему и богу считает сердце: “Только сердцу, которое совершило великий жизненный процесс очищения и укрепления, свойственна эта любовь, созерцающая и воспитывающая в детях самое человечество, чистый образ Богочеловеческого человека, а не орудие эгоизма родителей, общества и государства” (Там же, с. 5). Значению сердца в духовной жизни человека философ посвятил специальную статью (5).

Как философ и педагог П. Д. Юркевич был противником утверждения о врожденности нравственных качеств человека, но считал, что способности человека могут быть прирожденными. Задача воспитания, по его мнению, заключается в равномерном развитии всех сил и способностей ребенка. “То, что прирождено человеку, — писал он, — выражается в очень немногих элементарных требованиях и стремлениях, которые обнаруживаются во всех людях одинаково и безразлично по отношению к их особенному, личному образованию” (4, с. 6). Душа не косна и апатична к воздействиям природы и общества. Хотя сторонники врожденной нравственности утверждали, что умственные способности человека могут быть усовершенствованы, а это даст неизменному характеру возможность лучше проложить путь к жизненным целям согласно познанному, одновременно у человека появляется эгоизм, приспособляемость. Поэтому-то и нужно человеку воспитание, чтобы подчинить прирожденные качества характера “строгой и разумной, хотя и внешней дисциплине” (4, с. 7). По мере дальнейшего воспитания преобразуются внутренние прирожденные качества характера, изменяются мысли человека, меняется его воля и чувства. При этом философ подчеркивает, что “высокое понятие о человечестве относительно его призвания не должно закрывать от нас фактического положения человеческой природы” (Там же, с. 8). В ней много не только положительных, но и отрицательных качеств, делающих людей злыми, грубыми, развращенными. А поскольку “любовь может все”

(4, с. 9), воспитанию с положительным результатом подлежат все люди — и добрые, и злые.

Специальный параграф в своей работе П. Д. Юркевич посвящает цели воспитания, считая, что она совпадает с целью жизни: "...не наука о воспитании, но обширный круг наук моральных и религиозных может разрешить вполне существо, содержание и все многочисленные отношения, которые заключают в себе понятие о цели жизни" (Там же). И далее он противопоставляет две принципиально отличные цели воспитания: "Система воспитания, имеющая в виду развить в молодом поколении способность удовлетворять нуждам, идущим снизу, понятна и для грубого сердца, потому что эгоизм есть самый умный и самый тонкий наставник во всем, что питает и насыщает его. Но та воспитательная система, которая пробуждает в сердце воспитанника любовь к высшему и идеальному, к священному и божественному, — эту любовь страшную, понуждающую человека забывать о своей милой личности для служения правде и добру, — эта система ожидает воспитателя, способного находить в теле человека невидимую душу, а в невидимой душе неизгладимые зачатки Богоподобия" (Там же, с. 10 — 11).

Целями жизни человека, считает П. Д. Юркевич, могут быть либо счастье человека, либо добродетель. Счастье — это отсутствие страданий, удовлетворение всех нужд и постоянное благополучие, одним словом, — довольство. А нормой счастья является нужда как потребность в чем-либо. Добродетель же — это сила и внутренняя мощь духа человека, действующего сообразно понятиям добра, одним словом, — достоинство. Нормой достоинства является идея. В истории человечества были разные представления о счастье и добродетели и соответственно представления о целях воспитания. "Постоянно возобновляющаяся борьба между учением о добродетели и учением о счастье, как о высочайших целях жизни, есть только историческое выражение внутренней борьбы, которую испытывает человеческое сердце, и какая из борющихся сил получит преобладание, таков будет человек, такова будет эпоха, таков будет и преобладающий дух педагогики. Мы переживаем период педагогики, которая пытается воспитывать детей единственно посредством возбуждения в них приятных ощущений, пытается заменить добросовестный труд игрою и высшие принципы — непосредственными естественными влечениями. Другие педагогические теории умеют примирять поклонение истинному Богу с поклонением какому-нибудь идолу толпы или эпохи. Все эти явления происходят нередко из чистого благожелания, но не управляемого мудростью, которая откровенно разделяет то, что не должно быть соединяемо и кото-

рая определяет цену вещам в их действительной сущности, а не потому, как они впечатляют на нас” (4, с. 18 — 19).

Хотя цели воспитания определяются нуждами человека, воспитатель должен руководствоваться отнюдь не ими. На это П. Д. Юркевич указывает особо: “Не то, какие нужды отягчают жизнь ежедневного человека, должно быть руководящим началом педагогики: всю свою силу она должна сосредоточить на том, какие начала условливают возвышение ежедневного человека до истинного человека” (Там же, с. 32). Конечная заповедь для воспитателя звучит следующим образом: “Воспитавай так, чтобы воспитанник, когда он придет в зрелый возраст, нашел или застал самого себя 1) знающим доброе, 2) любящим доброе и 3) имеющим силы совершать доброе” (Там же, с. 30).

Основой педагогических взглядов П. Д. Юркевича является система христианского воспитания. Однако в ней много общечеловеческих постулатов, советов и практических рекомендаций, применимых во все времена и в педагогических школах разных идеологических ориентаций. Их суть можно свести к нескольким положениям:

1. Воспитывай так, чтобы человек мог из своих способностей извлекать наибольшую сумму удовольствий.
2. Воспитывай так, чтобы его способности сделались наиболее производительными.
3. Воспитывай так, чтобы он был годен для общества.
4. Воспитывай так, чтобы он сделался силен в мудрости и добродетели (4, с. 195).

Заметное место занимает среди философско-педагогических воззрений второй половины XIX в. отмеченная своеобразием теория воспитания русского врача, мыслителя и педагога Н. И. Пирогова. Уже современники отмечали, что «Н. И. Пирогов первый у нас взглянул на дело воспитания с философской точки зрения и увидел в нем не вопрос школьной дисциплины, дидактики или правил физического воспитания, но глубочайший вопрос человеческого духа — “вопрос жизни”» (6, с. 27). В статьях “О воспитании и образовании”, “Образование и воспитание”, “Быть и казаться” и главном своем педагогическом сочинении “Вопросы жизни” Н. И. Пирогов развивает идею общечеловеческого воспитания, пафос которой выражается словами: “Ищи быть и будь человеком”. Специалистов дает образование, и их достаточно много, целью же воспитания является воспитание всех сил человека, его нравственности, веры. А последние должны, считает он, заимствоваться из евангельского учения. К этой мысли, как вспоминал ученый в “Дневнике старого врача”, он пришел уже в зрелом возрасте: “Мне нужен был отвлеченный идеал, недости-

жимо высокий идеал веры. И принявшись за Евангелие, которого я никогда еще сам не читывал, — а мне было уже 38 лет отроду, — нашел для себя этот идеал” (Цит. по: 7, с. 60). Этот идеал прочно вошел в сознание Пирогова-педагога, считавшего ценностью человека его нравственное достоинство, направление его деятельности, соответствие слова и дела. Как руководящий принцип звучит название одной из его статей: “Быть, а не казаться”. Резюмируя высоконравственный, гуманистический, основанный на общечеловеческих ценностях христианской религии подход Н. И. Пирогова к проблемам воспитания, приведем еще один постулат его теории воспитания: “Конечная цель разумного воспитания должна заключаться в постепенном образовании в ребенке ясного понимания вещей окружающего мира и преимущественно общественного, т. е. того, в котором ему со временем придется действовать. Это прежде всего. Затем последовательным результатом такого понимания должно быть возведение добрых инстинктов детской природы в сознательное стремление к идеалам правды и добра. И наконец, в задачу воспитания, как результат того и другого, должно входить постепенное образование нравственных современных убеждений, образование твердой и свободной воли и, следовательно, воспитание тех гражданских и человеческих доблестей, которые составляют лучшее украшение времени и общества” (8, с. 645).

Среди русских педагогов и мыслителей, разрабатывавших идеи христианской педагогики, особняком стоит Л. Н. Толстой. В неопубликованной статье “Л. Н. Толстой и свободное воспитание” С. Н. Дурылин пишет: “С Толстого начинается русская самобытная педагогическая мысль, но пройдут десятилетия, прежде чем люди поймут, что сделал Толстой для русской педагогической мысли, и не одной русской, но и всемирной. Педагогические идеи Толстого произвели бурю в маленьком педагогическом мире 60-х гг., но они же впервые привлекли к педагогическим вопросам всеобщее внимание, они впервые заставили общество думать о детях и о воспитании. Но величайшее значение Толстого-педагога прежде всего и главное всего в том, что он с гениальной смелостью провозгласил основной принцип новой педагогики — клич нового освободительного движения — свобода детям!.. В мире нет абсолютных истин, абсолютно нужных знаний, кроме абсолютно ненужных — все индивидуально... Поэтому не может быть принуждения в воспитании и образовании. Исходя из таких соображений, Толстой горячо обрушился на весь строй современного образования и воспитания. Тысячелетия, по его мнению, детей учили тому, чему они никогда не хотели учиться, отвечали на те вопросы, которые они не задавали — и не интересовались

узнать, что хотят они узнать, к чему направляется работа их сознания, в каком направлении работает их мысль. Все воспитание и образование, низшее, среднее и высшее, от школы грамоты до университета, проникнуто принуждением, насилием и ложью — потому вредно и опасно для жизни и развития” (Цит. по: 9, с. 84 — 85). В этих словах, по нашему мнению, схвачена суть нового понимания проблем воспитания и образования Л. Н. Толстым.

Толстой-педагог считает, что ребенок изначально гармоничен и совершенен. С его ростом и развитием под воздействием семьи и школы, общества эта гармония разрушается, ребенок удаляется от идеала. Поэтому целью воспитания должно быть не просто развитие, а гармоническое развитие ребенка, обретение им утраченной гармонии. Размышляя об этом, Толстой сравнивает воспитателя с ваятелем, который вместо того, чтобы удалять лишнее, “раздувает, залепляет кидаящиеся в глаза неправильности, исправляет, воспитывает”. В процессе воспитания ребенку “нужен только материал для того, чтобы пополняться гармонически и всестороннее”. В своих “Беседах с детьми по нравственным вопросам”, “Христианской этике”, “Пути жизни” и других работах таким материалом он считает христианское учение с его идеей единения людей, установления начал духовно-нравственной жизни, совершенствования в любви. Основные постулаты этого учения, являющиеся одновременно максимумами для христианского воспитания, самосовершенствования сводятся к следующим положениям: “Жизнь истинная дана человеку под двумя условиями: чтобы он делал добро людям и увеличивал данную ему силу любви. Одно обуславливает другое: добрые дела, увеличивающие любовь в людях, только тогда таковы, когда при совершении их человек чувствует, что в нем увеличивается любовь, когда он делает их любя, с умилением; увеличивается же в нем любовь (он совершенствуется) только тогда, когда делает добрые дела и вызывает любовь в других людях. В этом одно из существеннейших свойств самосовершенствования...

Совершенство, указываемое христианством, бесконечно и никогда не может быть достигнуто; и Христос дает свое учение, имея в виду то, что полное совершенство не будет достигнуто, но стремление к полному, бесконечному совершенству постоянно будет увеличивать благо людей, и что благо это поэтому может быть увеличиваемо до бесконечности...

Учение Христа тем отличается от прежних учений, что оно руководит людьми не внешними правилами, а стремлением к достижению божеского совершенства. И в душе человека находят не умеренные правила справедливости и филантропии, а идеал полного бесконечного божеского совершенства. Спустить

требования идеала значит не только уменьшить возможность совершенства, но уничтожить самый идеал, тогда как он не выдуман кем-то, но лежит в душе каждого человека. Учение же Христа только тогда имеет силу, когда оно требует все большего и большего совершенства...” (10, с. 51 — 53).

Педагогическое наследие Л. Н. Толстого, его учение о целях воспитания не бесспорно, в нем есть свои противоречия. В эпоху господства механических авторитарных теорий обучения и воспитания оно не было востребовано. Однако в контексте современного понимания религиозно-нравственных, общечеловеческих ценностей оно требует нового прочтения и изучения. В конце XIX — начале XX в. в России изменилась мировоззренческая ситуация, наступило время радикальных перемен во всех областях общественной жизни, в том числе в развитии основных течений общественной мысли. Наиболее значительным изменениям подверглось религиозно-философское течение, попытка реформирования которого была предпринята в рамках “нового религиозного сознания”. Идеологи “нового религиозного сознания” отмежевались от “исторического христианства” и встали в оппозицию к официальному православию, раскрыв в своих работах необходимость религиозных, социальных и политических преобразований русского общества. Поиск будущего “нового града”, порыв к еще не воплощенному, к религии будущего, несомненно, отрывал их от действительности. Одновременно в их произведениях присутствовала критика социальных “негативов”, сословных, классовых предрассудков, буржуазности, мещанства и т. п. Обстоятельной критике подвергалась образовательная политика царизма, устаревшие теории воспитания и образования.

Мировоззренческой базой “нового религиозного сознания” стала вся русская религиозно-философская традиция, и прежде всего “философия всеединства” В. С. Соловьева, “синтетическая философия” которого давала возможность, как писал Н. А. Бердяев, “создать национальную философскую традицию” (11, с. 20).

Резкая критика христианства как религии воскресения, его аскетизма звучит в работах В. В. Розанова. В рамках “нового” понимания христианства работала мысль бывших “легальных марксистов” Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка, в начале XX в. осуществивших переход от марксизма к идеализму (См.: 12).

В рассматриваемый период нашли свое воплощение и дальнейшее развитие основные традиции и национальные особенности русской философии, в том числе утвержденная ранее связь философии и педагогики. В области теории образования и воспитания в начале XX в. работали известные философы С. Гессен, В. Розанов, В. Зеньковский и др. Их работы интересны не только

критикой устаревших педагогических теорий, но и новым пониманием сущности христианского воспитания.

Одним из самых интересных русских христианских философствующих педагогов XX в. является В. В. Зеньковский. До революции он был профессором психологии Киевского университета, а после эмиграции в 1919 г. — профессором философии Белградского университета (1920 — 1923), директором Педагогического института в Праге (1923 — 1926), профессором Богословского института в Париже (1926 — 1962). В 1942 г. принял сан священника. В эмиграции он издал несколько работ по педагогике, важнейшие из которых — “Социальное воспитание, его задачи и пути” (1918), “Психология детства” (1924), “Проблемы воспитания в свете христианской антропологии” (1934), “На пороге зрелости” (1955), “Русская педагогика в XX веке” (1960), “Основы христианской философии” (1964) — доказывали необходимость союза христианской философии и педагогики.

В. В. Зеньковский считал себя учеником русских философ-идеалистов В. С. Соловьева и Л. М. Лопатина. Однако постепенно, как он пишет, «учение отцов Церкви о необходимости восстановления утраченного единства человеческого духа через Церковь привело меня к пересмотру всех философских построений в свете христианства, и я мог дать лишь одно наименование моим взглядам: “Опыт христианской философии»» (13, с. 251). Будучи философом православной ориентации, он придерживался в своих взглядах основ начал христианства, распространяя их и на педагогику. Размышления его в этом отношении достаточно просты: “Человек в метафизическом освещении являет с наибольшей силой действие первородного греха. Та цельная жизнь, которая сочетает в живое единство тело, душу и дух, нарушается, но не разрушается смертью. Воскресение людей в Царстве Божиим восстанавливает утрачиваемую при смерти живую цельность жизни” (13, с. 253).

Путь к этому воскресению начинается уже в земной жизни человека через освобождение от власти “душевных” движений, “одухотворение всего состава человека”, что означает подготовку к “торжеству вечной жизни человека”. Важнейшую роль в этом воскресении должна сыграть педагогика. Она призвана помочь молодым людям найти себя и творчески преобразовать в себе то, что в них находится как “взаимодействие наследственности, социальных и духовных влияний”. В своей работе “Проблемы воспитания в свете христианской антропологии” В. В. Зеньковский обратил внимание на то, что существует “слабость и некая растерянность современной педагогической мысли, связанная с ее подчиненностью принципам натурализма, тогда как надлежа-

щее свое осмысление педагогическое творчество может найти лишь на почве религии, в частности — в системе христианской антропологии” (14, с. 5). Он поставил задачу исследовать исторические пути христианского воспитания и восстановить его потенциал, сделав акцент на наиболее значимых чертах. Философ считает, что имеются различные педагогические теории, каждая из которых опирается на определенное мировоззрение. Все они, в конечном итоге, сводятся к трем формам: натуралистической (в ней творческое самоопределение человека не определяется); трансцендентальной (здесь не определяется связь и зависимость человека от высших сил) и супранатуралистической или религиозной — единственно верной, по его мнению, форме, дающей человеку объяснение его и высших сил и целей (Там же, с. 12 — 17).

Значение христианской педагогики состоит в том, что она именно религиозная, христианская. Секуляризация дала веру в человека, в его творческую силу, способность к прогрессу, веру в историю как путь к прогрессу. Эта вера вместе с тем не противоположна христианству, но может быть понята как ядро христианства, основанного на идее Боговоплощения и спасения человека через смерть и воскресение спасителя. Зеньковский пишет: «Христианство не просто возвышение человека над природой... Оно расширяет царство человека за пределы космоса, ибо людям дана “власть быть чадами божьими” (Иоанн. 1, 12). Христианство есть не только спасение человечества, но и некое откровение о человеке, о его грядущей судьбе, о Церкви, которая есть тело Христово, но которая есть в то же время Богочеловеческий организм, т. е. “неслиянное и нераздельное” сочетание Божественного и человеческого начала. Христианство больше знает о человеке, больше верит в него, глубже понимает человека» (Там же, с. 17).

Христианская педагогика и философия, только объединившись, могут решать “загадку человека”. Как пишет философ, “попытки автономно поставить темы философской антропологии, т. е. освободить от предпосылок, идущих как от естествознания, так и от богословия, — настолько были неудачны, что они только яснее подчеркнули старое положение, что человек стоит на грани двух миров. Человек включен в Космос, в поток природного бытия, но в то же время он дышит горным воздухом, глядится в мир иной, загораясь его вдохновениями и озарениями” (15, с. 427). По его мнению, христианская антропология снимает противоречия и жесткость тоталитарной советской педагогики и может вывести русскую педагогику из духовного кризиса.

Основные постулаты христианской педагогики В. В. Зеньковского сводятся к трем положениям:

1. Учение о детской душе должно включать учение об образе божьем и греховности человека, подлежащей устранению через раскрытие и укрепление духовных сил человека, а это возможно лишь в Церкви. Поэтому целью педагогического воздействия является раскрытие образа божия в детях через педагогику и подготовку их как к жизни мирской, так и вечной.

2. Изучение различных душевных явлений показывает, что духовный процесс включает в себе ключ к пониманию всего, что происходит в человеке. Его и нужно изучать и использовать в педагогике, памятуя, что не моральный, а религиозный духовный процесс возрастания образует истинную и последнюю тему воспитания детей.

3. На первом месте иерархически в педагогике стоит не воспитание интеллекта, а рост духовного богатства личности ребенка. Поэтому необходимо, чтобы раскрывались и укреплялись религиозные силы души, что возможно при правильном подходе к дуализму мира и Церкви. “Тема религиозного воспитания есть основная тема педагогики, все остальное — развитие интеллекта, накопление знаний, усвоение технических и социальных навыков, развитие характера — является лишь частью этой лучшей и основной педагогической задачи. К свободе надо идти через свободу, но это совершенно далеко от сентиментального импрессионизма, для свободы необходимо введение в систему воспитания аскетических начал. Следить за ростом и ритмом внутренней жизни в детях, видеть во всем внешнем воспитательном и образовательном материале лишь средства раскрытия и укрепления духовных сил в ребенке — таков путь школы” (16, с. 38 — 39).

В своей работе “Русская педагогика в XX веке” В. В. Зеньковский предрекает для русской педагогики новые тенденции развития. Он пишет: “Русская педагогическая мысль переживает в самой острой форме борьбу религиозных сил, но есть все основания говорить о том, что эта борьба кончается капитуляцией антирелигиозных сил, сознающих свое бессилие и бесплодность. Но лишь реальная победа над ними, освобождение России, наступление новой органической эпохи даст возможность идейной и жизненной реализации начал, которые развивают религиозное направление в педагогике. Русская педагогика стоит пока на пороге этого грядущего торжества духовных сил над антирелигиозными, но к ее построениям уже намечены основные предпосылки для такого понимания школы, для того ее построения, которое, вобрав в себя итоги исканий русских педагогов, найдет вечные и прочные основы воспитания в единстве с Церковью Христовой” (16, с. 40).

Рассмотренные нами концепции христианского воспитания, представленные в русской философско-педагогической мысли

конца XIX — начала XX в., думается, убеждают в актуальности, эвристической и практической значимости дальнейшей разработки проблематики христианской педагогики, современная история которой еще пока не написана.

Литература

1. *Ушинский К. Д.* Избранные педагогические сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1974.
2. *Гессен С. И.* Основы педагогики: Введение в прикладную философию. Берлин, 1923.
3. *Ходзицкий А.* Проф. философии Памфил Данилович Юркевич // *Вера и разум.* 1914. № 24.
4. *Юркевич П. Д.* Курс общей педагогики. М., 1869.
5. *Юркевич П. Д.* Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова Божия // *Труды Киевской духовной академии.* 1860. № 1.
6. *Ушинский К. Д.* Педагогические сочинения Н. И. Пирогова // *Собр. соч.:* В 11 т. Т. 3. М.; Л., 1950.
7. *Ан С. А.* Светский и религиозный подходы к общему образованию в русской философско-педагогической мысли. Барнаул, 1993.
8. *Пирогов Н. И.* Избранные педагогические сочинения. М., 1952.
9. *Корнетов Г. Б.* Гуманистическое образование: Традиции и перспективы. М., 1993.
10. *Христианская этика: Систематические очерки мировоззрения Л. Н. Толстого.* Екатеринбург, 1994.
11. *Бердяев Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда // *Вехи.* Свердловск, 1991.
12. *Емельянов Б. В.* Очерки русской философии начала XX века. Екатеринбург, 1992.
13. *Зеньковский В. В.* Очерк моей философской системы // *История русской философии.* Т. 2. Ч. 2. Л., 1991.
14. *Зеньковский В. В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М., 1993.
15. *Зеньковский В. В.* Проблемы философской антропологии // *Современные записки.* 1938. Т. 66.
16. *Зеньковский В. В.* Русская педагогика в XX веке. Париж, 1960.

© Гололобова Т. А., Емельянов Б. В., 1997